СОДЕРЖАНИЕ

Введение 7

Глава I. Мусульмане и христиане восточных Балкан в ходе русско-турецких войн XVIII — начала XIX века 30

Использование волонтеров и политика переселения балканских христиан в русско-турецких войнах конца XVIII — начала XIX века . 35

Идейное наследие Отечественной войны 1812 года 46

Первый опыт теории партизанского действия 53

Русская армия и Османская империя в период Греческого восстания 1820-х годов 61

Глава II. Русская армия и население восточных Балкан в 1828–1829 годах 74

Русская армия и население Дунайской Болгарии в ходе кампании 1828 года 78

Русская политика в отношении забалканских мусульман и христиан . 88

Управление межконфессиональными отношениями после войны . . . 98

Глава III. Партизанская война и статистика Европейской Турции в деятельности И. П. Липранди 111

Партизанский отряд Липранди в 1829 году 115

Сочинения Липранди о партизанской войне 122

Ориентализм и оксидентализм 131

Липранди и Крымская война 140

Глава IV. Россия и балканские народы во время Крымской войны 153

Донесения русских военных агентов в Константинополе накануне войны 158

Николай I и идея мобилизации православных единоверцев России . 164

«Малая война» и планирование кампании 1854 года 171

Военные действия в Дунайской Болгарии и местное население . . . 184

Глава V. Россия и Османская империя в 1856–1877 годах 190

Развитие военной статистики после Крымской войны 193

Критика военной реформы и панславизм 206

Восточный кризис, отношение к исламу и планы мобилизации балканских христиан 214

Русское военное планирование в 1876–1877 годах 227

Глава VI. Политика населения во время войны 1877–1878 годов . 239
Формирование временной русской администрации в Болгарии . . . 244
Межконфессиональное насилие и вынужденные перемещения населения летом и осенью 1877 года 253
Межконфессиональное и межэтническое насилие на завершающем этапе войны 270
Сан-Стефанский мир и контуры нового политического устройства Балкан 283
Глава VII. Политика населения после войны 291
Родопское восстание и мусульманское сопротивление в других частях восточных Балкан 297
Российские власти и миграция мусульманского и христианского населения 312
Служба мусульман в земском войске и создание гимнастических обществ в Восточной Румелии 324
Заключение 340
Список литературы 350
Указатель имен 371

ВВЕДЕНИЕ

10 июня 1877 года, в день переправы русской армии через Дунай, Александр II обратился с манифестом к болгарскому населению. В нем царь упомянул войны, которые вели его прародители «за облегчение бедственной участи христиан Балканского полуострова», в результате которых им удалось «последовательно обеспечить участь Сербов и Румын». Теперь же, говорил царь, настало время «оградить навеки вашу народность и утвердить за вами те священные права, без которых немыслимо мирное и правильное развитие Вашей гражданской жизни». Согласно манифесту, задача России заключалась в том, чтобы «согласить и умиротворить все народности и вероисповедания в тех частях Болгарии, где совместно живут люди разного происхождения и разной веры». Александр II заявлял, что отныне «одинаково будут обеспечены жизнь, свобода, честь, имущество каждого христианина, к какой бы церкви он ни принадлежал»[1].

Обращаясь к балканским мусульманам, царь также упомянул о «недавних жестокостях и преступлениях, совершенных многими из [них] над беззащитным христианским населением», однако пообещал воздержаться от мести и подвергнуть «справедливому, правильному и беспристрастному суду лишь тех немногих злодеев, имена которых были известны и османскому правительству, оставившему их без должного наказания». Остальные же мусульмане должны были «подчинит[ься] безусловно законным требованиям тех властей, которые с появлением войска Моего будут установлены» и сделаться «мирными гражданами Общества, готового даровать [им] все блага

[1] См.: Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации Болгарии в 1877–78–79 гг. / Ред. Н. Р. Овсяный. СПб.: Товарищество художественной печати, 1903. Т. 1. С. 3–4. Все даты даны по старому стилю.

правильно устроенной гражданской жизни. Ваша вера останется неприкосновенной; ваша жизнь и достояние, жизнь и честь ваших семейств будут свято охраняемы»[1].

Семь или восемь месяцев, последовавших за оглашением манифеста, стали одним из наиболее катастрофических периодов в истории Балканского полуострова (см. *карту 1* на вкладке). Тысячи мусульман бежали из центральной части Дунайской Болгарии и с тех забалканских территорий, которые были заняты в июне и июле основными силами русской армии и ее передовым отрядом под командованием генерал-лейтенанта И. В. Гурко. Затем неудача, постигшая русскую армию под Плевной в середине июля, стала причиной отступления русского авангарда на север, отступления, в котором солдат Гурко сопровождали десятки тысяч забалканских болгар-беженцев. Падение Плевны, последовавшее после четырехмесячной осады, и финальный бросок русской армии через Балканы к Адрианополю и Константинополю в январе 1878 года вызвали еще более масштабный исход забалканских мусульман. Общее число жертв и беженцев среди мусульманского населения территорий, которые после войны вошли в состав Болгарского княжества и автономной области Восточная Румелия, по-видимому, составляло полмиллиона человек[2]. В результате война 1877–1878 годов, известная в турецкой историографии как Доксанюч харби, стала синонимом катастрофы. Эта война явилась важным этапом в процессе сокращения мусульманского населения в Европе, начавшегося после Греческого

---

[1] Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации Болгарии в 1877–78–79 гг. С. 4.

[2] Переписи населения, проведенные в 1880–1881 годах в княжестве Болгария и автономной провинции Восточная Румелия, выявили соответственно 580 000 и 170 000 мусульман (итого 750 000). См.: *Methodieva M.* Between Empire and Nation: Muslim Reform in the Balkans. Stanford, CA: Stanford University Press, 2021. P. 37. Напротив, довоенное мусульманское население этих территорий составляло около 1 250 000 человек. Эта цифра включает в себя 963 596 мусульман Дунайского вилайета, согласно османской переписи 1874 года (см.: *Koyuncu A.* Tuna Vilâyeti'nde Nüfusve Demografi (1864–1877) // Turkish Studies. 2014. Vol. 9. № 4. P. 675–737), и около 290 000 мусульман тех частей Эдирнского вилайета, которые после войны составили автономную провинцию Восточная Румелия (согласно оценке британского консула Генри Драммонд Вольфа). См.: *Karpat K.* Ottoman Population, 1830–1914: Demographic and Social Characteristics. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. P. 50.

восстания 1821 года и завершившегося окончательным падением Османской империи в начале 1920-х годов[1].

Количество жертв и беженцев в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 годов поражает, особенно если принять во внимание, что это был не первый случай перехода Балкан русскими войсками. Русско-турецкая война 1828–1829 годов сопровождалась занятием тех же территорий, однако не спровоцировала бедствий подобного масштаба для мусульманского населения[2]. Несмотря на то что театр военных действий и зона послевоенной оккупации в 1829–1830 годах были меньше, чем в 1877–1879 годах, они включали восточнобалканские территории с наибольшим количеством мусульман[3]. Соответственно, сравнение двух войн и последовавших за ними оккупаций составляет естественный, хотя и до сих пор почему-то не предпринятый прием для всякого, кто стремится понять, что произошло в восточной части Балканского полуострова в конце 1870-х годов. Очевидно, что беспрецедентное по масштабам вынужденное перемещение восточнобалканских мусульман в 1877–1878 годах объясняется среди прочего решениями русского командования, которые сильно отличались от стратегии их предшественников в 1828–1829 годах.

Рассмотрение этих решений, а также интеллектуального контекста, в котором они были приняты, дополнит наши представления об истории участия России в судьбах населения Балканского полуострова[4]. Существует немало исследований той

---

[1] *McCarthy J.* Death and Exile: The Ethnic Cleansing of Ottoman Muslims, 1822–1922. Princeton, NJ: Darwin Press, 1994. P. 59–108; *Reid J.* Crisis of the Ottoman Empire, 1839–1878: Prelude to Collapse. Stuttgart: Franz Steiner, 2000; War and Diplomacy: The Russo-Turkish War of 1877–1878 and the Treaty of Berlin / Ed. by H. Yavuz, P. Sluglett. Salt Lake City: University of Utah Press, 2011.

[2] О Русско-турецкой войне 1828–1829 годов см.: *Bitis A.* Russia and the Eastern Question: Army, Government, and Society, 1815–1833. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 274–324.

[3] Собственно военная сторона событий 1877–1878 годов освещается в: *Barry Q.* War in the East: A Military History of the Russo-Turkish War 1877–78. London: Helion, 2012. Османское измерение этой войны раскрывается в: *Aksan V.* The Ottomans, 1700–1923: An Empire Besieged. 2nd ed. London: Routledge, 2022. P. 279–287. Воздействие войны на население восточных Балкан освещается в: *Methodieva M.* Between Empire and Nation. P. 21–27.

[4] См.: *Jelavich B.* Russia's Balkan Entanglements, 1806–1914. New York: Cambridge University Press, 1991.

роли, которую сыграла Российская империя в ходе превращения «Европейской Турции» в совокупность малых национальных государств Юго-Восточной Европы. Однако до сих пор не была предпринята попытка оценить вклад военных — именно как военных — в этот процесс. Советские, российские и западные историки изучили роль царской дипломатии в разработке международных договоров, предусматривавших автономию или независимость Греции, Сербии, Румынии и Болгарии[1]. Хотя временные российские администрации в Дунайских княжествах в 1828–1834 годах и в Болгарии в 1877–1879 годах возглавлялись военными, их деятельность также рассматривалась как аспект внешней политики России[2]. Не отрицая важность Министерства иностранных дел в формировании балканской политики России, настоящее исследование акцентирует не менее значимую роль русской армии. Принимая за основу знаменитое определение войны как продолжения политики другими средствами, данная книга рассматривает русскую армию как одного из главных политических акторов в восточнобалканском регионе. Наряду

[1] *Black C. E.* The Establishment of Constitutional Government in Bulgaria. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1943; *Jelavich B.* Russia and the Romanian National Cause, 1858–1859. Bloomington: Indiana University Press, 1959; *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия (1821–1829). М.: Мысль, 1965; *Достян И. С.* Россия и Балканский вопрос. Из истории русско-балканских связей первой трети XIX века. М.: Наука, 1972; *Станиславская А. М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. Политика России в Ионической республике. М.: Наука, 1976; *Jelavich B.* Russia and the Formation of the Romanian Nation-State. Cambridge: Cambridge University Press, 1984; *Meriage L.* Russia and the First Serbian Uprising, 1804–1813. New York: Garland, 1987; *Durman K.* Lost Illusions: Russian Policies towards Bulgaria, 1877–1878 // Uppsala Studies on the Soviet Union and Eastern Europe 1. Uppsala, Sweden: Acta Universitatis Upsaliensis, 1988; *Кудрявцева Е. П.* Россия и Сербия в 30–40-х годах XIX века. М.: Институт славяноведения и балканистики, 2002; *Frary L.* Russia and the Making of Modern Greek Identity, 1821–1844. New York: Oxford University Press, 2015; *Rekun M.* How Russia Lost Bulgaria, 1878–1886: Empire Unguided. Lanham, MD: Lexington Books, 2019.

[2] О политике временной российской администрации в Дунайских княжествах см.: *Гросул В. Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20-е — 30-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1966; *Taki V.* Russia on the Danube: Empire, Elites, and Reform in Moldavia and Wallachia, 1812–1834. New York: Central European University Press, 2021. О российской политике в Болгарии в 1878–1879 годах см.: *Vinkovetsky I.* Strategists and Ideologues: Russians and the Making of Bulgaria's Tarnovo Constitution, 1878–1879 // Journal of Modern History. 2018. Vol. 90. № 4. P. 751–791.

с описанием военных действий, составлявших главный предмет прошлых исследований русско-турецких войн[1], здесь предпринимается попытка реконструировать интеллектуальные и культурные факторы, определившие политику российских командующих в отношении различных групп балканского населения.

Существенная разница между стратегиями, которым следовало российское командование в 1828–1829 и в 1877–1878 годах, отражала процесс переосмысления роли населения в войне, который происходил в XIX веке. Это переосмысление было частью более широких перемен в образе ведения войны, трансформировавших отношения между армией и населением в период после Французской революции. Опыт революционных и Наполеоновских войн способствовал более внимательному отношению европейских и российских военных к населению как основе военной мощи и одновременно потенциальному источнику сопротивления. Вследствие этого попытки воплотить модель мобилизованной нации в посленаполеоновский период сочетались с поиском способов нейтрализации потенциально враждебных групп населения на территориях, составлявших вероятный театр военных действий. И хотя данный подход был в полной мере воплощен только в эпоху мировых войн, отдельные его элементы становились все более заметными в планах российский стратегов и в политике временных военных властей на Балканах в ходе русско-турецких войн XIX века. Тем самым «турецкие кампании» России составляют важный, хотя еще и недооцененный аспект изменения характера войны в период между падением Наполеона и Первой мировой войной.

Эти без малого сто лет оказались на редкость мирными в истории Европы, по крайней мере если сравнивать частоту и интенсивность войн 1815–1914 годов с конфликтами XVI, XVII

---

[1] Среди ранних русскоязычных работ на тему истории русско-турецких войн выделяется серия исследований А.Н. Петрова: *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. Т. 1–5. СПб.: Веймар, 1866–1874; *Петров А.Н.* Вторая турецкая война в царствование Екатерины Второй. Т. 1–2. СПб.: Голике, 1880; *Петров А.Н.* Война России с Турцией, 1806–1812. Т. 1–3. СПб.: Военная типография, 1885–1887; *Петров А.Н.* Война России с Турцией. Дунайская кампания, 1853–54 гг. Т. 1–2. СПб.: Военная типография, 1890. Среди недавних исследований стоит отметить: *Barry Q.* War in the East, и *Aksan V.* The Ottomans.

или XVIII века[1]. После почти непрерывных войн революционного и наполеоновского периода Европейский континент наслаждался продолжительным периодом мира. Конечно, середина XIX столетия была отмечена революционными потрясениями во многих европейских странах, а также войнами, сопровождавшими объединение Италии и Германии. И все же эти конфликты оказались быстротечными, и, как, следствие, к началу XX века большинство европейцев не осознавали масштабов изменений в образе ведения войны и того, что́ эти изменения означали для отношений армии и населения. Как продемонстрировала Первая мировая война, изменения эти были тем не менее вполне реальны, и повторявшиеся каждые 15–25 лет «турецкие» войны России предоставляют наилучшую возможность проследить их нарастание. Рассмотрению данных изменений должен, однако, предшествовать обзор восточнобалканского региона, который составил главный театр русско-турецких войн данного периода.

* * *

Российско-османское противостояние началось в конце XVII века в северопричерноморском регионе. Позже основной театр русско-турецких войн сместился к нижнему Дунаю и в конце концов охватил всю восточную часть Балканского полуострова[2]. Тюркское название «Балкан» вошло в европейскую

[1] Небезынтересно взглянуть на процентные показатели войн в Европе от столетия к столетию (представляющие собой совокупность частоты войн, их продолжительности, масштаба, интенсивности и концентрированности): 94 — для XVI столетия, 95 — для XVII, 78 — для XVIII и только 40 — для XIX (или же 89, 88, 64 и 24 соответственно, если принимать в расчет только войны между великими державами). См.: *Levy J.* War in the Modern Great Power System, 1495–1975. Lexington: University Press of Kentucky, 1983. P. 139, 141.

[2] Хотя русско-турецкие войны XIX века включали Закавказье, их исход неизменно решался на Дунае и на Балканах. О закавказском театре военных действий см.: *Allen W. E. D., Muratoff P.* Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border, 1828–1921. Cambridge: Cambridge University Press, 1953. О ранних этапах русско-османского противостояния см. серию исследований Брайана Дейвиса: *Davies B.* Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700. London: Routledge, 2007; *Davies B.* Empire and Military Revolution in Eastern Europe: Russia's Turkish Wars in the Eighteenth Century. London: Continuum, 2011; *Davies B.* The Russo-Turkish War of 1768–1774: Catherine the Great and the Ottoman Empire. London: Bloomsbury Academic, 2015.

географическую литературу в первые годы XIX столетия как политически нейтральная замена понятия «Турция в Европе», однако вскоре и этот термин приобрел негативные коннотации[1]. Соответственно, дискуссии относительно того, что является, а что не является частью Балкан, превратились в один из важных аспектов историографии и общественно-политической мысли данного региона[2]. Хотя Дунай и его приток, река Сава, составляют естественную географическую границу Балкан на севере, такое определение региона плохо согласуется с историческими и культурными реалиями, определяемыми столетиями османского господства как к югу от Дуная и Савы, так и к северу от них, и, в частности, в княжествах Валахия и Молдавия[3].

Эти православные страны вошли в орбиту османского влияния в период между концом XIV и началом XVI столетия и оставались в ней вплоть до второй половины XIX века. На протяжении раннемодерного периода дань, которую княжества платили султану, неуклонно возрастала, и в конце концов местные господари были заменены греками-фанариотами[4]. Таким образом Порта консолидировала свой контроль над Валахией и Молдавией в ответ на возросшую угрозу со стороны монархии Габсбургов и особенно России. После неудачного Прутского похода Петра Великого в 1711 году каждая русско-турецкая война сопровождалась занятием российскими войсками территории княжеств. Несмотря на то что русско-турецкие договоры неизменно возвращали Молдавию и Валахию под власть Порты,

---

[1] Об истории этого термина и связанного с ним дискурса «балканизма» см.: *Todorova M.* Imagining the Balkans. Updated ed. Oxford: Oxford University Press, 2009.

[2] Об академических спорах вокруг термина «Балканы» см.: *Mishkova D.* Beyond Balkanism: The Scholarly Politics of Region Making. London: Routledge, 2019.

[3] Общее описание османского господства в Юго-Восточной Европе можно найти в: *Sugar P.* Southeastern Europe under Ottoman Rule, 1354–1804. Seattle: University of Washington Press, 1977, особенно P. 113–141 о Молдавии и Валахии.

[4] О меняющемся положении Молдавии и Валахии в системе османских владений см.: *Panaite V.* The Legal and Political Status of Moldavia and Wallachia in Relation to the Ottoman Empire // The European Tributary States of the Ottoman Empire in the Sixteenth and the Seventeenth Century / Ed. by G. Kármán, L. Kuncevic. Leiden: Brill, 2013. P. 13–42. А вот сравнительно недавнее рассмотрение места фанариотов в Османской политической системе: *Philliou C.* Biography of an Empire: Governing the Ottomans in an Age of Revolution. Berkeley: University of California Press, 2011. P. 5–37.

Россия со временем установила формальный протекторат над княжествами и использовала его для ограничения османского влияния в этих странах[1].

Неоднократные оккупации Молдавии и Валахии и режим протектората не способствовали популярности России в княжествах и в конце концов стали одним из факторов возникновения современного румынского национализма, характеризующегося отчетливой враждебностью по отношению к России[2]. Однако эта враждебность долгое время ограничивалась элитами княжеств и не распространялась на массу населения. В результате на протяжении большей части XIX столетия Россия пользовалась остаточной симпатией местных крестьян, которые продолжали видеть в православном царе своего защитника[3]. Относительная гомогенность молдавского и валашского населения с религиозной и этнической точек зрения также являлась преимуществом. После вхождения Бессарабии в состав Российской империи в 1812 году и реинтеграции османских крепостей и прилежащих к ним земель на левом берегу Дуная в состав Валахии в 1829 году российская армия больше не сталкивалась с мусульманским населением на этих территориях.

---

[1] О российском протекторате и его пределах см.: *Davison R.* «Russian Skill and Turkish Imbecility»: The Treaty of Kuchuk-Kainardji Reconsidered // Slavic Review. 1976. Vol. 35. № 3. P. 463–483; *Taki V.* Limits of Protection: Russia and the Orthodox Coreligionists in the Ottoman Empire // Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 2015. № 2401. https://doi.org/10.5195/cbp.2015.201.

[2] Советская историография обычно обходила стороной негативные аспекты воздействия российской оккупации на местное население и акцентировала прогрессивную роль России в истории княжеств. См.: Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига (1768–1812) / Ред. М. П. Мунтян и И. В. Семенов. Кишинев: Штиинца, 1984. Постсоветская же историография впала в другую крайность. См.: *Agachi A.* Moldova şi Ţara Românească subocupaţia militară rusă, 1806–1812. Кандидатская диссертация. Академия наук Республики Молдова. Институт истории, 2003. Более или менее сбалансированное описание можно найти в: *Jewsbury G.* The Russian Annexation of Bessarabia, 1774–1828: A Study of Imperial Expansion // East European Monographs. Vol. 15. Boulder, CO: East European Quarterly, 1976. P. 39–66. См. также: *Jelavich B.* Russia and the Formation of the Romanian National State, и *Taki V.* Russia on the Danube.

[3] См.: *Sorescu A.-D.* Peddlers, Peasants, Icons, Engravings: The Portrait of the Tsar and Romanian Nation-Building, 1888–1916 // New Europe College: Ştefan Odobleja Program Yearbook 2019–2020 / Ed. I. Vainovski-Mihai. Bucharest: New Europe College, 2020. P. 209–246.

К югу от Дуная ситуация принципиально отличалась. Здесь османское завоевание XIV и XV веков привело к разрушению государств болгар и сербов и к обращению в ислам или к эмиграции их элит[1]. Превращенные в пашалыки, территории современной Болгарии и румынской Добруджи были населены смешанным христианским и мусульманским населением. Наряду с болгарами, составлявшими большинство православного населения восточных Балкан, здесь проживали греки и румыноязычные влахи (арумыны). Греки были особенно многочисленны в портах на западном побережье Черного моря и в прибрежных районах, а также в крупных городах, таких как Адрианополь и Филиппополь (Пловдив). Греки также преобладали среди духовенства в регионах с преимущественно болгарским населением, и это обстоятельство в конце концов спровоцировало болгарскую националистическую реакцию, выразившуюся в греко-болгарской церковной распре 1870 года[2]. Христианское население Добруджи было еще более пестрым: наряду с этническими болгарами оно включало и румын, и украинских казаков, и русских старообрядцев[3]. Наконец, не все христиане восточных Балкан были православными, поскольку некоторое количество болгар в регионе Филиппополя в XVII столетии обратились в унию.

Мусульмане восточных Балкан были столь же неоднородны по своему этническому составу, сколь и христиане. Наиболее многочисленную группу составляли турки-османы, в основном проживавшие в городах, хотя в регионе Делиормана, на северо-востоке, они также преобладали и в сельской местности[4]. Этноконфессиональную мозаику данного пространства усложняли мусульмане — выходцы из Российской империи, ставшие

---

[1] См.: *Sugar P.* Southeastern Europe. P. 14–23, 63–110.

[2] О греко-болгарской церковной распре и российских усилиях ее предотвратить или преодолеть см.: *Kalkandjieva D.* The Bulgarian Orthodox Church // Orthodox Christianity and Nationalism in Nineteenth-Century Southeastern Europe / Ed. L. Leustean. New York: Fordham University Press, 2014. P. 164–202, и *Vovchenko D.* Containing Balkan Nationalisms: Imperial Russia and Ottoman Christians, 1856–1914. New York, NY: Oxford University Press, 2016.

[3] О Добрудже см.: *Rădulescu A., Bitoleanu I.* A Concise History of Dobruja. Bucharest: Editura Ştiinţifică, 1984.

[4] О мусульманском населении Делиормана см.: *Antov N.* The Ottoman «Wild West»: The Balkan Frontier in the Fifteenth and Sixteenth Centuries. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

особенно многочисленными после Крымской войны, когда значительное число крымских татар переселилось в Добруджу. Наряду с крымскими татарами здесь встречались и черкесы, происходившие из западной части Северного Кавказа, хотя их проживание на восточных Балканах оказалось недолгим. На юге, в Родопских горах, имелось значительное количество помаков, или болгароязычных мусульман, чье происхождение является предметом довольно оживленной дискуссии в исторической и этнографической литературе[1].

Политическая организация Османской империи отражала конфессиональную и этническую разнородность ее населения. Со времени османского завоевания Константинополя в 1453 году империя представляла собой совокупность конфессиональных общин (в XIX столетии называвшихся милетами), пользовавшихся значительной нетерриториальной автономией[2]. Несмотря на то что в современной западной историографии порой встречается представление об Османской империи как некоем прообразе мультикультурализма и культурного многообразия, необходимо подчеркнуть, что члены конфессиональных общин находились в весьма неравном положении. На протяжении столетий балканские христиане не имели права носить оружие, должны были спешиваться в присутствии мусульманина, не могли строить церкви, превышавшие по высоте соседние мечети, и в целом были поражены в правах. Они также платили большие налоги, наиболее важным из которых была *джизья*, или «налог за защиту», восходивший своими корнями к постановлениям пророка Мухаммеда в отношении «людей книги» (*дзимми*) — евреев и христиан. В то же время такой неоднозначный османский институт, как *девширме*, или «налог

---

[1] Разные объяснения происхождения помаков можно найти в: *Apostolov M.* The Pomaks: A Religious Minority in the Balkans // Nationalities Papers. 1996. Vol. 24. № 4. P. 727–742; *Turan O.* Pomaks, Their Past and Present // Journal of Muslim Minority Affairs. 1999. Vol. 19. № 1. P. 69–83, и *Georgieva Ts.* Pomaks: Muslim Bulgarians // Islam and Christian-Muslim Relations. 2001. Vol. 12. № 3. P. 303–316.

[2] *Braude B., Lewis B.* Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society. New York: Holmes & Meier, 1982; *Stamatopoulos D.* From Millets to Minorities in the 19th-Century Ottoman Empire: An Ambiguous Modernization // Citizenship in Historical Perspective / Ed. by S. Ellis, G. Hálfdanarson, A. Isaacs. Pisa, Italy: Pisa University Press, 2006. P. 253–273.

кровью», заключавшийся в отборе христианских мальчиков для янычарского корпуса, перестал существовать задолго до XIX века, в то время как с середины столетия вестернизирующие реформы султанов (известные как Танзимат, или реорганизация) провозгласили равноправие мусульман и немусульман, по крайней мере на уровне общего принципа[1].

Физическая география восточнобалканского региона соответствовала сложности его этноконфессионального ландшафта. В отличие от низменного и заболоченного северного берега Дуная, южный берег реки был, как правило, высоким и крутым, составляя тем самым естественную оборонительную линию, дополняемую несколькими османскими крепостями. Из них наиболее значительными были Видин, Никополь, Рущук и Силистрия. Область Добруджи, формируемая северным изгибом Дуная, его дельтой и побережьем Черного моря, защищалась несколькими второстепенными крепостями — Тульчей, Исакчей, Мэчином и Гирсовом. Крепость Варна была самым существенным османским оплотом на побережье. Вместе с Силистрией, Рущуком и Шумлой она составляла так называемый кадрилатер, или четырехугольник, являвшийся центральным элементом османской обороны на нижнем Дунае.

Балканские горы формировали вторую естественную линию обороны, проходившую с востока на запад на расстоянии сотни километров к югу от Дуная. Лесистые северные склоны этих гор делали турецкий термин «Балкан» (дословно: «гора, покрытая лесом») весьма уместным. К югу от Балканских гор находилась долина Марицы, протекавшей по диагонали с северо-запада на юго-восток вплоть до Адрианополя, после чего река поворачивала на юг и несла свои воды в Эгейское море. Южные склоны долины Марицы формировались Родопскими горами, простиравшимися вдоль северного побережья Эгейского моря. К юго-западу от Родоп находилась Македония, регион, который с конца

[1] О девширме см.: *Imber C.* The Ottoman Empire, 1300–1600: The Structure of Power. New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 116–130. О Танзимате см.: *Findley C.* The Tanzimat // Turkey in the Modern World / Ed. R. Kasaba. The Cambridge History of Turkey. Vol. 4. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 11–37, и *Davison R.* Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963.

XIX века станет предметом ожесточенного конфликта между болгарскими и греческими националистами[1]. К юго-востоку от Адрианополя смешанное болгарское, греческое и мусульманское население жило повсюду, вплоть до стен османской столицы Константинополя — города, который был столь же многоконфессиональным и полиэтничным.

Таков был этноконфессиональный ландшафт, в котором русская армия неоднократно сталкивалась с османскими силами в ходе войн XIX столетия. Изменяющиеся представления русских военных о балканском населении необходимо поместить в контекст превращения населения в важнейший фактор модерной войны, которое в свою очередь было тесно связано с процессом демократизации, инициированным Американской войной за независимость и Великой французской революцией.

* * *

Как только нация была провозглашена источником политической власти, важнейшим вопросом стало определение состава нации, поскольку именно от него зависело успешное преодоление противоречий или же их перерастание в открытый гражданский конфликт. По утверждению англо-американского социолога Майкла Манна, «темная сторона демократии» проявляется тогда, когда народ как источник власти идентифицируется с этническим большинством. Смешение суверенного «демоса» с преобладающим этносом приводит к исключению этнических меньшинств и создает базовые предпосылки для их изгнания или даже уничтожения. Радикализированные военным поражением или экономическим кризисом лидеры этнического большинства могут начать проводить смертоносную политику в отношении этнического меньшинства в том случае, если чувствуют угрозу с его стороны (или со стороны его внешних протекторов) и в то же время ощущают себя способными превентивным образом уничтожить это меньшинство. Именно это, согласно концепции Манна, происходило в случае

[1] Общее рассмотрение македонского вопроса можно найти в: *Davison R.* Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963. P. 63–75.

практически всех этнических чисток и геноцидов, имевших место в XX веке[1].

Исследование Манна помогает понять последствия «демократизации» европейского способа ведения войны после Французской революции. Революционная мобилизация превратила в солдат всех мужчин, способных носить оружие, по крайней мере в принципе, и продемонстрировала ужасающий потенциал народной войны, проводимой самим народом и во имя народа[2]. Столкнувшись с этим явлением, европейские великие державы были вынуждены провести военные реформы, которые в конце концов породили массовые армии, состоящие из вооруженных граждан, сочетавших кратковременную срочную службу с длительным пребыванием в резерве. Тем самым был создан конкретный институт, в рамках которого армия идентифицировалась с народом, по крайней мере с мужской его половиной[3]. В то же время эти военные реформы поставили на повестку дня вопрос о тех группах населения (на территории вероятного противника или же на своей собственной), которые по различным причинам не могли стать частью данного народа и, соответственно, армии, которая с этим народом ассоциировалась.

Как только народ был переосмыслен как военная сила, военные стратеги перестали рассматривать в качестве нейтрального гражданское население территорий, составлявших театр боевых действий. Опыт Наполеоновских войн, особенно в Испании, части Италии, Германии и России, где французские армии встретили значительное сопротивление со стороны местного населения, заставил военных задуматься о способах нейтрализации

---

[1] *Mann M.* The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

[2] *Rothenberg G.* The Art of Warfare in the Age of Napoleon. Bloomington: Indiana University Press, 1978. P. 95–102.

[3] Наиболее характерным примером таких реформ были военные реформы в Пруссии, проведенные в 1807–1813 годах под руководством Шарнхорста и Гнейзенау. См.: *Rothenberg G.* The Art of Warfare. P. 190–194. О военных последствиях Французской революции см.: *Knox M.* Mass Politics and Nationalism as Military Revolution: The French Revolution and After // The Dynamics of Military Revolution, 1300–2050 / Ed. by M. Knox, W. Murray. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 57–73.

потенциально враждебных групп[1]. Одновременно военные стали стремиться заручиться поддержкой потенциально благорасположенных к армии групп населения. В результате гражданское население вероятных театров военных действий превращалось в потенциальных жертв репрессивной политики военных властей, посредством которой последние стремились обеспечить благоприятную среду для действия армии. Осуществление такого подхода к населению стало возможным благодаря развитию военной статистики в постнаполеоновскую эпоху, характеризовавшуюся так называемым «статистическим бумом»[2].

Военные, безусловно, не были единственной профессиональной группой, проявлявшей интерес к статистике населения. На протяжении XIX столетия правительства европейских государств использовали статистическую информацию для определения религиозного, этнического и лингвистического состава своих граждан или подданных, с тем чтобы создать из разнородного населения монолитное национальное сообщество. Эта цель, однако, оказалась гораздо более достижима на западе Европы[3]. На востоке же старого континента неспособность имперских бюрократий ассимилировать разношерстное население выдвигала на первый план оборонительные соображения военных. Подобно своим французским и немецким коллегам, австрийские, русские и османские военные начали рассматривать всеобщую воинскую повинность как способ укрепить лояльность разнородных категорий населения и даже сформировать общую имперскую идентичность. В то же время отсутствие гарантии успеха подобного предприятия заставляло военных определять заранее те группы населения, которые необходимо было

---

[1] *Rothenberg G.* The Art of Warfare. P. 121–122, 156–158; *Forrest A.* Insurgents and Counter-insurgents Between Military and Civil Society from the 1790s to 1815 // Civilians and War in Europe, 1618–1815 / Ed. by E. Charters, E. Rosenhaft, H. Smith. Liverpool: Liverpool University Press, 2012. P. 182–200; *Best G.* War and Society in Revolutionary Europe, 1770–1870. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1998. P. 168–183.

[2] См.: *Hacking J.* Biopower and the Avalanche of Printed Numbers // Humanities in Society. 1982. Vol. 5. № 3–4. P. 281, и дискуссию о военной статистике в главе 5.

[3] Франция конца XIX — начала XX века представляла собой наиболее успешный пример такой ассимиляции. См.: *Weber E.* Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford, CA: Stanford University Press, 1976.

нейтрализовать ввиду их действительной или предполагаемой враждебности к правительству и армии, которая могла иметь фатальные последствия в условиях будущей войны[1].

Конкретные методы обращения с потенциально нелояльными или враждебными категориями населения были впервые опробованы в местах, где граница между гражданским населением и военными изначально была размытой. Будь то во французском Алжире, на Северном Кавказе или в британской Индии, европейские военные столкнулись с формами сопротивления, которые не предполагали четкого разделения на мирное население и комбатантов. На вызов партизанской войны европейские колонизаторы ответили политикой выжженной земли, захватом заложников, переселением местных жителей и основанием европейских поселений[2]. Наиболее одиозный, хотя, возможно, и не самый жестокий метод политики управления населением в XX веке — концентрационные лагеря — также был впервые опробован в колониальном контексте: сначала испанцами, во время Кубинской войны за независимость, а затем британцами в ходе Англо-бурской войны 1899–1902 годов[3].

---

[1] См.: *Holquist P.* To Count, to Extract and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / Ed. by T. Martin, R. Suny. New York: Oxford University Press, 2001. P. 111–145.

[2] О британских колониальных войнах см.: *Roy K.* The Army in British India: From Colonial Warfare to Total War, 1857–1947. London: Bloomsbury, 2013, особенно P. 34–76; о французских колониальных войнах см.: *Porch D.* Bugeaud, Gallieni, Lyautey: The Development of French Colonial Warfare // The Makers of the Modern Strategy: From Machiavelli to the Nuclear Age / Ed. P. Paret. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986. P. 376–407; *Finch M.* A Progressive Occupation: The Gallieni-Lyautey Method of Pacification in Tonkin and Madagascar, 1885–1900. Oxford: Oxford University Press, 2013.

[3] *Spies S. B.* Methods of Barbarism? Roberts and Kitchener and Civilians in the Boer Republics, January 1900 — May 1902. Cape Town: Human & Rousseau, 1977; *Tone J.* War and Genocide in Cuba, 1895–1898. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2006; *Forth A.* Barbed-Wire Imperialism: Britain's Empire of Camps, 1876–1903. Berkeley Series in British Studies 12. Oakland: University of California Press, 2017. Форт демонстрирует, что концентрационные лагеря, использовавшиеся в ходе Англо-бурской войны, были частью более масштабного феномена «империализма колючей проволоки» («Barbed Wire Imperialism»), включавшего также и лагеря, создававшиеся в Британской Индии в поздневикторианскую эпоху во время голода и чумных эпидемий.

В то же время необходимо подчеркнуть, что «колониальные» методы не были следствием только лишь изначальной размытости границы между комбатантами и некомбатантами, характеризовавшей местные формы сопротивления колониальному завоеванию. Эти методы отражали превращение населения в важнейший фактор современной войны в период, последовавший за Французской революцией. Данное обстоятельство позволяет преодолеть разногласие между теми историками, которые видели в ужасах Первой и Второй мировых войн плод применения колониальных методов на европейской почве, и теми, кто поставил под сомнение колониальное происхождение Холокоста и обратил внимание на его евразийские корни[1]. Колонии и окраины Европы были лабораториями эволюционирующих *европейских* форм ведения войны, которые поставили под вопрос разделение на военных и гражданское население в тот самый момент, когда сторонники выработки модерных законов войны попытались это разделение максимально четко обозначить[2]. Человеколюбивые усилия последних наткнулись на два основополагающих допущения европейской военной мысли XIX столетия: 1) население изначально не является нейтральным; 2) политические настроения населения являются важным фактором конечного исхода войны. Оформившиеся к 1914 году два этих допущения определяли политику

---

[1] О колониальных корнях европейских геноцидов см.: *Hull I.* Military Culture and the Production of «Final Solutions» in the Colonies: The Example of Wilhelminian Germany // The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective / Ed. by R. Gellately, B. Kiernan. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 141–162; *Madley B.* From Africa to Auschwitz: How German Southwest Africa Incubated Ideas and Methods Adopted and Developed by the Nazis in Eastern Europe // European History Quarterly. 2005. Vol. 35. № 3. P. 429–464. Критику «колониального» происхождения Холокоста можно найти в: *Kühne Th.* Colonialism and the Holocaust: Continuities, Causations, and Complexities // Journal of Genocide Research. 2013. Vol. 15. № 3. P. 339–362. См. также: *Weitz E.* Germany and the Ottoman Borderlands: The Entwining of Imperial Aspirations, Revolution, and Ethnic Violence // Shatterzone of Empires: Coexistence and Violence in the German, Habsburg, Russian, and Ottoman Borderlands / Ed. by O. Bartov, E. Weitz. Bloomington: Indiana University Press, 2013. P. 152–171.

[2] Обзор развития современных норм ведения войны содержится в: *Nabulsi K.* Traditions of War: Occupation, Resistance, and the Law. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 4–18.

военных властей по обе стороны протяженных и подвижных восточных фронтов Первой мировой войны[1].

Для правильного определения роли России в этом процессе необходимо принять во внимание как изначальное отторжение царскими военными идеи «народной войны», так и последующее изменение их отношения к этому явлению. В послепетровскую эпоху русские офицеры ассимилировали понятия и принципы «регулярной» войны эпохи Старого режима, которая не предполагала вовлеченности массы населения в боевые действия[2]. Хотя революционные и Наполеоновские войны поставили под вопрос разделение на военных и гражданское население, не стоит недооценивать консервативное сопротивление аристократического офицерского корпуса идее массовой армии, состоящей из солдат-граждан, или идеи партизанской войны[3]. Ввиду того, что царская Россия была более успешна в своем противоборстве с наполеоновской Францией, чем другие континентальные европейские державы, у нее не было стимула приступать к военным реформам прусского типа, которые привели к созданию системы национальных резервов и введению всеобщей

---

[1] Об оккупационной политике в Восточной Европе, на Балканах и на Ближнем Востоке см.: *Graf D.* Military Rule Behind the Russian Front, 1914–1917 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1974. Bd. 22. № 3. S. 390–411; *Liulevicius V.* War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge: Cambridge University Press, 2000; *Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: AIRO-XX, 2000; *von Hagen M.* War in a European Borderland: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918 // Donald W. Treadgold Studies on Russia, East Europe, and Central Asia. Seattle: Herbert J. Ellison Center for Russian, East European, and Central Asian Studies, University of Washington, 2007; *Gumz J.* The Resurrection and Collapse of Empire in Habsburg Serbia, 1914–1918. Cambridge: Cambridge University Press, 2009; *Holquist P.* Forms of Violence During the Russian Occupation of Ottoman Territory and in Northern Persia (Urmia and Astrabad), October 1914 — December 1917 // Shatterzone of Empires: Coexistence and Violence in the German, Habsburg, Russian, and Ottoman Borderlands / Ed. by O. Bartov, E. Weitz. Bloomington: Indiana University Press, 2013. P. 334–363.

[2] См. первую главу данного исследования.

[3] О реакции европейских офицеров-аристократов в посленаполеоновский период см.: *Best G.* War and Society. P. 204–215; *McNeill W.* The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A. D. 1000. Chicago: University of Chicago Press, 1982. P. 219–222.

воинской службы[1]. Вместо этого конечная победа над Наполеоном наглядно продемонстрировала дееспособность петровской военной организации старорежимного образца, основанной на резком отделении армии от остального населения[2].

Война 1812 года включала в себя партизанские действия, в ходе которых граница между комбатантами и некомбатантами оказалась предсказуемо размытой. Однако эта сторона противостояния с Наполеоном произвела на современников весьма негативное впечатление. Важно помнить о том, что, в отличие от Льва Толстого, большинство офицеров — участников войны 1812 года были далеко не в восторге от «дубины народной войны», поскольку она была несовместима с усвоенными ими представлениями о «регулярной» войне[3]. В десятилетия, последовавшие за разгромом Наполеона, приверженность офицеров дворянского и аристократического происхождения этим принципам только возросла. Среди поколения 1812 года энтузиастов партизанского действия в духе Дениса Давыдова было немного, а приверженцы «народной войны» и вовсе практически не встречаются вплоть до второй половины XIX столетия. Офицерский корпус царской России в целом особенно долго отказывался признать «народ» в качестве нового фактора современной войны и инициировать переход к современной массовой армии солдат-граждан или принять методы партизанской войны. Однако после того, как поражение в Крымской войне вызвало наконец эту ментальную и институциональную трансформацию, ее последствия оказались более радикальными, чем где-либо в Европе[4].

---

[1] О военных поселениях и системе увольнения солдат в бессрочные отпуска как неудачных попытках военных реформ в царствования Александра I и Николая I см.: *Keep J.* Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford: Clarendon Press, 1985. P. 275–327, 334.

[2] О роли победы над Наполеоном в торможении военных реформ в России см.: *Fuller W.* Strategy and Power in Russia, 1600–1914. New York: Free Press, 1992. P. 217–218.

[3] *Taki V.* The Horrors of War: Representations of Violence in European, Oriental and «Patriotic» Wars // Kritika. 2014. Vol. 15. № 2. P. 284–287.

[4] Об ассимиляции русскими военными понятия «солдат-гражданин» в связи с военной реформой 1874 года и о дилеммах, порожденных таким подходом в многонациональной и самодержавной империи, см.: *Sanborn J.* Drafting

Русско-турецкие войны 1828–1829, 1853–1856 и 1877–1878 годов свидетельствуют об изменении отношения царских военных к понятию «народная война». В первом из этих конфликтов российские командующие стремились предотвратить какие-либо формы «народной войны», будь то со стороны единоверного населения Балкан или со стороны османских мусульман. Несмотря на то что на завершающем этапе войны российскую армию поддерживали ограниченные партизанские отряды, их целью был контроль над местным мусульманским населением, а не провоцирование православных болгар на всеобщее восстание против власти султана. В целом российская политика заключалась в том, чтобы убедить мусульманское население не покидать своих жилищ. Вместо изгнания мусульман российское командование организовало масштабное переселение христианского болгарского населения в причерноморские территории Российской империи с целью обезопасить его от возможного возмездия со стороны османов после заключения мира и вывода российских войск с восточных Балкан.

Спустя четверть века Крымская война выявила уже несколько бóльшую открытость российского командования идее «народной войны» на Балканах, о чем свидетельствует переписка Николая I со своими генералами. Стремясь компенсировать малочисленность российских войск на нижнем Дунае, царь и его советники рассматривали возможность массовой мобилизации единоверцев, несмотря на то что по-прежнему испытывали неудобство ввиду революционного характера такой меры и в любом случае не смогли ее реализовать. Растущая популярность панславистских идей среди русского офицерства в 1860-е и 1870-е годы также способствовала новому определению целей партизанского действия, которое стало рассматриваться как способ провоцирования антиосманского восстания среди балканских единоверцев. Актуальность понятия «народная война» проявилась в планах мобилизации болгар, которые были предложены несколькими

---

the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2002, особенно P. 9–14, 63–74, и *Sanborn J.* Military Reform, Moral Reform, and the End of the Old Regime // The Military and Society in Russia, 1450–1917 / Ed. by E. Lohr, M. Poe. Leiden: Brill, 2002. P. 507–524.

русскими генералами в ходе Восточного кризиса 1875–1876 годов, а также в формировании болгарского ополчения накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Парадигма «народной войны» оказала определенное влияние и на планы русского командования, а также на политику военных властей в Болгарии в отношении различных групп местного населения.

* * *

Русско-турецкие войны 1828–1829 и 1877–1878 годов, сопровождавшиеся занятием восточных Балкан русскими войсками, определяют хронологические рамки данного исследования. Идейный багаж, с которым русская армия подошла к первому из этих конфликтов, рассматривается в первой главе. Используемые в ней опубликованные источники по истории русско-турецких войн конца XVIII — начала XIX века позволяют описать в общих чертах привлечение российскими командующими христианских добровольцев и меры по переселению жителей-христиан с южного берега Дуная на северный. Затем рассматривается первый на русском языке опыт теории партизанского действия, опубликованный вскоре после окончания Наполеоновских войн, и отмечается весьма сдержанное отношение русского офицерства к идее «народной войны» на Балканах. Главу завершает рассмотрение места христианского и мусульманского населения в записках и докладах, составленных военными советниками и агентами Александра I и Николая I в период между началом Греческого восстания весной 1821 года и объявлением войны Османской империи в апреле 1828 года.

Материалы Российского государственного военно-исторического архива служат основой для реконструкции российской политики в отношении различных групп балканского населения в ходе войны 1828–1829 годов. Вторую главу открывает обзор мер царского командования в отношении населения Дунайской Болгарии во время первой кампании этой войны, в ходе которой отдельные отряды и транспорты российских войск испытали на себе действие мусульманских партизан. Затем рассматривается отношение И. И. Дибича, назначенного главнокомандующим в начале 1829 года, к мусульманскому населению,

особенно после того, как в июле того же года его войска пересекли Балканы. Главу завершает обзор последствий войны для мусульман и христиан восточных Балкан, основывающийся на некоторых военно-статистических описаниях данного региона, составленных русскими офицерами после заключения Адрианопольского мира в сентябре 1829 года.

В третьей главе интерес русского офицерства к военной статистике Османской империи соотносится с опытом партизанских действий на Балканах. Глава посвящена деятельности полковника Генерального штаба И. П. Липранди, связанной с данным регионом. На протяжении 1820-х годов Липранди занимался сбором разведданных, а летом и осенью 1829 года возглавил партизанский отряд из балканских волонтеров с целью замирения мусульманских жителей Делиорманского леса. Этот опыт отразился в многочисленных записках Липранди, сохранившихся в Российском государственном историческом архиве. Эти записки и военно-статистические обозрения европейской части Османской империи были впоследствии представлены им российскому командованию в начале Крымской войны.

Различные планы мобилизации балканских христиан, рассматривавшиеся Николаем I и его военными советниками в 1853–1854 годах, составляют главный предмет четвертой главы. Эту главу открывает обзор сохранившихся в Российском государственном военно-историческом архиве донесений русских военных агентов в Константинополе, отправленных накануне Крымской войны. Последние уделяли особое внимание отношению различных групп османского населения к османскому правительству и вестернизирующим реформам, которые оно проводило. Затем на основании опубликованной переписки Николая I со своими советниками анализируется эволюция планов мобилизации балканских христиан. Главу завершает обзор военных действий на Дунае весной и в начале лета 1854 года, которые выявили необоснованность надежд, возлагавшихся царем и некоторыми его генералами на православных единоверцев.

В пятой главе демонстрируется, что, несмотря на фальстарт в начале Крымской войны, идея мобилизации балканских христиан начинала интересовать все большее число русских военных. Основанная по большей части на опубликованных

источниках, эта глава начинается с обзора военных аспектов Великих реформ 1860-х — начала 1870-х годов. Затем рассматривается место населения в рамках военной статистики, которая в данный период становится важным инструментом военной реформы и империостроительства в целом. В главе демонстрируется, как опыт покорения Северного Кавказа в конце 1850-х — начале 1860-х годов способствовал превращению конфессионального и этнического состава населения восточных Балкан в неизменный элемент рассуждений русских военных о будущих войнах с Османской империей. Этот тезис подтверждается анализом планов мобилизации балканских христиан, составленных некоторыми русскими генералами в начале Восточного кризиса второй половины 1870-х годов. Хотя Военное министерство и Генеральный штаб не вполне разделяли такие планы, их собственная подготовка к войне 1877–1878 годов свидетельствует о большей готовности принимать во внимание конфессиональный и этнический состав населения на территориях, составлявших вероятный театр военных действий.

Русско-турецкая война 1877–1878 годов и политика российского командования и временной администрации в отношении различных групп восточнобалканского населения рассматриваются в шестой главе. На основании широкого круга опубликованных источников в ней описывается формирование и деятельность временной российской администрации в Болгарии на протяжении десяти месяцев боевых действий, в особенности ее меры в отношении восточнобалканских мусульман и христиан. Затем рассматриваются вынужденные перемещения мусульманского и христианского населения, вызванные перипетиями боевых действий, а также вспышки межконфессионального насилия с участием русских войск и болгарского ополчения. Главу завершает описание жестокостей в отношении мусульманского населения, которые имели место в ходе финального наступления русской армии на Адрианополь зимой 1877–1878 годов.

Седьмая глава посвящена политике в отношении различных групп населения восточнобалканского региона, проводившейся после окончания войны временной российской администрацией, способствовавшей основанию Болгарского княжества и автономной области Восточная Румелия. Приоритетом российских

властей был контроль над мусульманским населением и межконфессиональными отношениями, о чем свидетельствуют меры по подавлению Родопского восстания весной 1878 года и попытки императорского комиссара А. М. Дондукова-Корсакова воспрепятствовать возвращению в пределы будущей Болгарии мусульманских беженцев. Главу завершает рассмотрение решения российских властей вооружить болгарское население Восточной Румелии, дабы защитить его от возможных репрессий после вывода русских войск.

В заключении выделяются основные сходства и различия в политике российского командования и временной администрации на восточных Балканах в 1828–1830 и в 1877–1879 годах, а также предлагается объяснение этих различий и рассматриваются их последствия для мусульманского и христианского населения региона в контексте Восточного кризиса второй половины 1870-х годов.